

ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ П. Н. ТКАЧЕВА И БОЛЬШЕВИЗМ

А. А. Шириняц

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия

Ю. В. Рудакова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия

Статья посвящена анализу связи революционной теории П. Н. Ткачева и большевизма. Ткачев был одним из виднейших идеологов действенного народничества, а его социально-политическая концепция, названная впоследствии «русским бланкизмом», вызывала множество противоречивых суждений. Многие революционные деятели и историки начала XX в. не без оснований полагали, что концепция Ткачева оказала значительное влияние на ход революционной мысли, а именно стала идейной предтечей большевизма. Данное утверждение стало предметом обширных дискуссий, которые не утихали в советской науке на протяжении нескольких десятилетий. Несмотря на многочисленные споры, сложно отрицать некоторые ключевые положения, которые роднят «русский бланкизм» и большевизм. Так, Ткачев был первым народническим мыслителем, который обратил внимание на государство и политическую власть как на важнейшие инструменты, которые могут быть использованы революционерами для общественных преобразований. Революционеры, по мнению Ткачева, это совершенно новый тип людей, которые всю свою жизнь посвящают делу революции. Такие «люди будущего» и являются главной движущей силой революционного движения. Для захвата власти они создают организованную партию, которая строится на принципах жесткого централизма и строгой дисциплины. Именно эти идеи, как мы знаем, стали главными принципами социально-политической концепции В. И. Ленина и были воплощены в жизнь деятелями большевистской партии.

Ключевые слова: революционная теория, действенное народничество, *русский бланкизм*, большевизм, советская наука, интеллигенция, революционная партия.

Концепция известного русского революционера, идеолога народничества Петра Никитича Ткачева (1844–1885), названная впоследствии «русским бланкизмом», заняла особое место в политической культуре радикального преобразования общества в России¹.

¹ Русский бланкизм по своему смысловому содержанию — реакция на кризис просветительской философии и ее политического воплощения — идеологии европейской буржуазной революции. Сознание этого кризиса на русской почве обнаруживается уже у А. Н. Радищева. В результате кровавого опыта якобинского террора он отказался от ставки на народ, сомневаясь в его готовности к общественному преобразованию (см.: Шириняц, 2014). Такая же переоценка

Многие революционные деятели начала XX в. не без оснований полагали, что социально-политическая концепция Ткачева стала идейной основой большевизма, вождем которого был Владимир Ильич Ленин (1870–1924)². Так, Г. В. Плеханов в 1904 г. утверждал, что лидер большевиков не является ни оригинальным мыслителем, ни сознательным марксистом, а лишь «отстаивает пожилые истины» бланкизма (Плеханов, 1926а, с. 136). Плеханов полагал, что многие ключевые идеи Ленина превращают его крыло партии в «общество заговорщиков à la Бланки и бланкисты», все дальше уводя большевиков от истинного марксизма (Плеханов, 1926б, с. 318–319; Плеханов, 1926в, с. 120). Этой же точки зрения придерживался политический оппонент Плеханова П. Н. Милюков: он полностью был согласен с Плехановым в отождествлении «бланкизма теперешних большевиков» с «бланкизмом народовольцев». Лидер партии кадетов вслед за лидером меньшевиков говорит о борьбе бланкизма, который есть «прошлое нашего революционного движения», с марксизмом, «что есть его будущее» (Милюков, 1907, с. 468). Немного позже соратник Ленина Л. Д. Троцкий также отмечал, что обвинения большевиков в бланкизме были «не лишены основания» (Троцкий, 1907, с. 91). В свою очередь, меньшевик А. Н. Потресов прямо называл концепцию Ленина «видоизмененным бланкизмом» (Потресов, 1909, с. 197).

Действительно, если обратиться к биографии Ленина, можно найти свидетельства того, насколько сильное влияние на него оказала социально-политическая концепция Ткачева. Так, находясь в 1900 г. в Швейцарии, Ленин изучал старую эмигрантскую литературу, и именно в этот период состоялось его знакомство с журналом «Набат», печатным органом русских бланкистов. Как вспоминал позднее В. Д. Бонч-Бруевич, Ленин «тщательнейшим образом» прочитывал всю революционную литературу. Уделяя при этом особое внимание Ткачеву, лидер большевиков утверждал, что именно этот мыслитель стоит ближе всех других старых теоретиков к современной социал-демократии. Ленин не только сам внимательно изучал статьи Ткачева, но и всем своим соратникам по партии настоятельно рекомендовал ознакомиться с «богатой литературой этого оригинального мыслителя» (Бонч-Бруевич, 1961, с. 314–315). Н. В. Валентинов, знавший Ленина лично, вспоминает о таких его словах: «Они [меньшевики] обвиняют нас в якобинстве, бланкизме и прочих страшных вещах. Идиоты,

произошла и у декабристов. Принципиальное значение имел переход от просветительской конспирации к тайному политическому обществу, какими были Северное и Южное общества, ориентированные на «военную революцию», а не на подготовку народа к революционным изменениям в политической системе, как это ранее мыслилось просветительскими конспирациями. «Военная революция» у декабристов — не заговор, не дворцовый переворот, столь обычный для политической практики императорской России. Декабристы исключали народ из политического движения ввиду его неподготовленности к политически осознанному действию. Однако они исходили из убеждения, что откладывать на неопределенное будущее решения о судьбе страны невозможно. Идею народного благоденствия, воодушевлявшую декабристов, предполагалось реализовать без народа, которому были абсолютно чужды их политические идеалы (см.: Перевезенцев, Ширинянц, 2016, с. 16 и др.).

² О Ленине см. недавно вышедшую антологию (В. И. Ленин, 2017).

жирондисты, они не могут даже понять, что такими обвинениями делают нам комплименты... Революционный социал-демократ должен быть и не может не быть якобинцем. Вы спрашивали меня, что понимать под якобинством. Современное якобинство, во-первых, требует признания необходимости диктатуры пролетариата... во-вторых, в интересах образования этой диктатуры требует централизованного строения партии... в третьих, в интересах борьбы, требует в партии настоящей, крепкой дисциплины» (Валентинов, 1993, с. 126–127).

В течение года после знакомства лидера большевиков с трудами Ткачева выходит несколько статей, в которых Ленин обозначает некоторые принципы революционной деятельности, сходные с положениями бланкизма. Так, в статье «Насущные задачи нашего движения» (1900) Ленин, определяя задачи партии, организационный план ее создания, говорит о необходимости «направить свои силы на выработку более конспиративной постановки дела, на систематическую пропаганду правил ведения дела, приемов надувания жандармов и обхода сетей полиции», о том, что «надо готовить людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь» (Ленин, 1967, с. 376). В статье «С чего начать?» (1901) Ленин заявляет: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это — одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях», — однако подчеркивает, что «при отсутствии центральной и слабости местных революционных организаций» террор не может быть ничем иным, как средством единичного нападения, самостоятельным и независимым от всякой армии (Ленин, 1971а, с. 7). В программной работе «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» (1902) Ленин в духе Ткачева пишет об организации профессиональных революционеров, которая должна быть «не очень широкой и возможно более конспиративной» (Ленин, 1971б, с. 112), так как только при таких условиях она сможет достичь своих целей в реалиях самодержавной России. В книге «Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)» (1904) он прямо указывает на связь большевизма с якобинством: «Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, осознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ» (Ленин, 1971в, с. 370).

Мы видим, что Ткачева не случайно называли и называют предтечей большевизма. Показательны в этом отношении дискуссии 1920-х годов о якобинском и «бланкистском» характере модели политической культуры большевизма, отзвуки которых мы можем услышать и сейчас³.

³ Дискуссии о якобинском и «бланкистском» характере модели политической культуры большевизма (см.: Худолеев, 2011; 2012; Фокина, 2011), как они велись и ведутся в политической науке практически в течение века, требуют уточнить это понятие применительно к позиции Ткачева. Ограничимся кратким замечанием. Термин «бланкизм» привязан к имени Ткачева, ко времени, когда он разрабатывал свою систему взглядов на революцию. Концепт «русский бланкизм» более содержателен, он охватывает более широкие хронологические рамки. Русский бланкизм соединяет и якобинскую установку (политическую концепцию революции), и социалистический ее идеал. Современники же Ткачева чаще пользовались термином «русское якобинство» (см. об этом: Шахматов, 1983; Рудницкая, 1992, с. 9–12; Ширинянц, 2011, с. 159, 161 и др.).

Суть этих дискуссий сводилась к оправданию экстремизма в политике, утверждению максимализма целей и бескомпромиссности их достижения. Так, лидер советских историков в 1920-е годы, заместитель наркома просвещения РСФСР М. Н. Покровский в статье «Корни большевизма в русской почве» (1923), подчеркивая, что русский большевизм зародился на почве определенной страны и прошел определенную эволюцию (от максималистских лозунгов П. И. Пестеля через предвиденья авторов «Молодой России», каракозовцев и Ткачева к собственно большевизму), утверждал следующее: «Для современности большевик — это “человек экстремы”, употребляя выражение Герцена, большевизм — это направление, ставящее все общественные проблемы революционно, не признающее компромиссов, принципиально враждебное соглашательству» (Покровский, 1923, с. 81). Историческую правоту такой политической «экстремы», по мысли Покровского, подтверждает то, что все просветительские «минималистские попытки» по западным образцам и примерам терпели неудачу в России (Там же, с. 84), а большевизм одержал в ней победу и становится мировым явлением (Там же, с. 81–82).

В свою очередь, один из «старых большевиков», член Коллегии Истпарта — Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б), инициатор создания Государственного музея революции СССР, профессор Московского университета С. И. Мицкевич, пытаясь преодолеть «замалчивание» в отечественной литературе «очень интересного» (Мицкевич, 1923, с. 3) течения русского революционного движения — русского «якобинства-бланкизма», опубликовал в журнале «Пролетарская революция» (1923) статью «Русские якобинцы», посвященную П. Г. Зайчневскому⁴, которого он лично знал, и П. Н. Ткачеву.

В статье Мицкевич проводит линию русского якобинства от Зайчневского к Ткачеву и «Народной воле» и далее к большевизму, «осуществившему заветы якобинцев-бланкистов» (Там же, с. 26).

Приведя ряд выдержек (по Б. П. Козьмину) «из Ткачева» 1866–1869 гг. о захвате власти, о революции⁵, обозначив ткачевские идеи периода издания журнала «Набат» (1875–1881), главная из которых — идея о необходимости «сплотиться в централизованную партию, путем террора дезорганизовать правительство и захватить власть» (Мицкевич, 1923, с. 13), Мицкевич, солидаризуясь с мнением Козьмина о том, что идеи Ткачева «близки к нашей современности» (Мицкевич, 1923, с. 11), делает вывод, что эти взгляды Ткачева «современны и близки нам»: «И наш теперешний строй не есть ли осуществление мечты Ткачева, что революционная партия, захватив власть, будет править, опираясь на “Народную Думу”. Эта “Народная Дума” — то же, что наши советы» (Там же, с. 15).

Кстати говоря, в том же ключе мыслил и «старый меньшевик», историк русской социально-политической мысли Б. И. Горев, рассуждая о якобинско-бланкистской традиции, заложенной Зайчневским, которая через Ткачева переда-

⁴ В ряде случаев его фамилию пишут и как «Заичневский».

⁵ См.: Мицкевич, 1923, с. 10–11. Мицкевич цитирует первую в советской историографии научную работу, посвященную П. Н. Ткачеву, историка русской революционной мысли Б. П. Козьмина (см.: Козьмин, 1922).

ется «Народной воле»: «А Ткачев, человек ясного и сильного логического ума, разрабатывает эту якобинско-бабувистскую традицию в целую продуманную систему, которая многими своими сторонами, несмотря на ее наивный рационализм, как бы превосходит нашу современность» (Горев, 1924, с. 88)⁶.

Еще один сюжет, который невозможно обойти вниманием. В своей статье о русских якобинцах Мицкевич касается известной полемики Ткачева и Энгельса о «висящем в воздухе» русском правительстве и «висящем в воздухе Ткачева» и, в отличие от Энгельса, находит «известную долю истины» в утверждении Ткачева, так как русское правительство «не поддерживалось множеством самостоятельных организаций крупной и мелкой буржуазии, как европейские буржуазные правительства» и потому в известном смысле «висело в воздухе» (Мицкевич, 1923, с. 16). В качестве аргумента Мицкевич приводит «интересное мнение» Дорошенко (псевдоним народовольца Н. И. Кибальчича) о том, что, «стремясь быть абсолютно неограниченным, государство подавляло всякую политическую самостоятельность даже привилегированных сословий и для этого поддерживало разъединение и неорганизованность в их среде» (Там же, с. 18). На наш взгляд, это мнение интересно еще и тем, что отражает идеологический концепт противостояния государства и общества в императорской России, который стал определяющим для советской историографии, представители которой считали, что этот конфликт порождал революционное движение. Действительно, несмотря на наличие в царской России известного числа легальных общественных организаций, санкционированных правительством (по подсчетам американского историка Дж. Брэдли, около 10 000 к началу XX в.) (Брэдли, 2012, с. 25), эти организации подвергались бюрократическому давлению власти, пресекавшей их прямое взаимодействие с народом. Тем не менее, как считает Брэдли (и с этим невозможно не согласиться), утверждение о том, что «репрессивное государство “пеленало” пассивных подданных» неверно: «До начала XX в. отношения между гражданским обществом и государством в большинстве случаев характеризовались взаимодействием, а не столкновением интересов» (Там же, с. 23).

В целом сторонники большевистской интерпретации политического наследия Ткачева, впрочем, как и их противники, не могли не признать того факта, что, как подчеркивал Мицкевич, «русская революция в значительной степени произошла по Ткачеву: путем захвата власти в заранее назначенный срок (25 октября) революционной партией, организованной по принципу строгой централизации и дисциплины, и эта партия, захватив власть, действует во многом по тому методу, который рекомендовал Ткачев (террор по отношению к противникам. — А. Ш., Ю. Р.)» (Мицкевич, 1923, с. 16).

⁶ Что касается «русских корней ленинизма», каковыми Горев считает бакунизм и ткачевизм, то он утверждает следующее: «Ленин объединил в высшем марксистском синтезе оба прежних полюса 70-х годов, бакунизм и ткачевизм, не просто устранив их, как Плеханов, а диалектически преодолев, т. е. сохранив в своем действенном марксистском мирозерцании все жизнеспособные, одновременно революционные и реалистические элементы этих течений» (Горев, 1924, с. 90).

При знакомстве с текстами Ткачева бросается в глаза граничащая с жесткостью жесткость его политической программы, и прежде всего его концепции партии. Ткачев отрицал «антиавторитаристские» установки М. А. Бакунина⁷ и П. Л. Лаврова⁸, критикуя их за введение «федерализма» в качестве основополагающего организационного принципа революционного движения. Он противопоставил этому задачу организации политической партии как «боевой силы», основанной на принципах централизма, дисциплины и строгой конспирации. Так, в одной из статей «Набата», отвечая на вопрос «Что теперь делать?», Ткачев прямо указал на необходимость, во-первых, «боевой организации революционных сил» (организации дисциплинированной, иерархической, подчиняющей личную инициативу общему руководству, вносящей целесообразность и единство в деятельность всех своих членов), во-вторых, «терроризации и дезорганизации правительственной власти» (Ткачев, 2010а, с. 674, 678). Ткачев и Ленин имели схожее мнение по вопросам террора: не признавая его в качестве самоцели, оба они считали террор необходимым средством революционных преобразований. Так, Ткачев писал, что террористические методы являются «верным средством для дезорганизации существующего полицейско-бюрократического государства» (Ткачев, 2010б, с. 736). Ленин соглашался с такой точкой зрения, полагая, что «без смертной казни по отношению к эксплуататорам (т. е. помещикам и капиталистам) едва ли обойдется какое ни на есть революционное правительство» (Ленин, 1971г, с. 174).

Что касается содержательных моментов революционной деятельности партии, то, с точки зрения Ткачева, господствующим должен стать принцип насилия, принуждения. Путь «железа и крови», «насильственное навязывание готовых идей, готовых идеалов», воздействие пропагандой и агитацией на «аффекты и непосредственное чувство» и т. д. — вот, по его мнению, реальные требования революционной практики (Ткачев, 2010в, с. 500). Здесь стоит заметить, что данные принципы были ключевыми и в концепции Ленина. Он также утверждал, что боевая организация крайне важна: «...только силой могут быть решены великие исторические вопросы, а организация силы в современной борьбе есть военная организация» (Ленин, 2010д, с. 338). Ленин был уверен, что надежды обойтись без всякого управления и подчинения — это «утопические и анархистские мечты», тогда как для успеха дела революции необходима диктатура пролетариата, необходимы «надсмотрщики и бухгалтеры» (Ленин, 2010е, с. 49).

Именно в такого рода деятельности Ткачев усмотрел новую нравственность революционеров. Революционеры в нравственном отношении стоят выше всех других индивидов, потому что в эпоху «всеобщего нравственного растления, унижительного холопства и невольного трепета» перед самодержавным произволом только они являются «мстителями за поруганную личность, за втоптан-

⁷ Бакунин начиная с 1862 г. ставил задачу создания «народной партии», а в 1864–1872 гг. — тайной организации революционеров (см. об этом: Матвеева, Талеров, Ширинянц, 2010, с. 36 и др.; Матвеева, Ширинянц, 2006, с. 43–45).

⁸ Об учении П. Л. Лаврова о революционной партии см.: Ширинянц, 1995, с. 111–125.

ные в грязь человеческие права», — писал он (Ткачев, 2010е, с. 667). Нельзя забывать и о том, что Ткачев, страстно стремившийся «сделать» революцию на практике, фактически отверг идею Лаврова о предшествующей революционному делу подготовке к участию в революционном преобразовании. Достаточно возбудить «революционные чувства» русской молодежи — эмоции недовольства, озлобления, протеста против существующего порядка, и они будут более могущественным стимулом в борьбе, чем «ясное и вполне отчетливое понимание *принципиальных* недостатков этого порядка» (Ткачев, 2010г, с. 431).

Именно в таком виде концепция Ткачева, названная впоследствии «русским бланкизмом», заняла особое место в политической культуре радикального преобразования общества в России. Приход разночинцев в революцию сделал проблему организации первостепенной. Точкой отсчета может служить «Записка о тайном обществе», составленная Н. П. Огаревым в 1857 г. Огарев как бы вновь начинает с того, через что прошел декабризм: через просветительскую конспирацию, ее цель — подготовка общественного мнения для социально-политического переустройства общества, просвещение и воспитание народа как сознательного участника этого переустройства. В направлении создания просветительских конспираций, перераставших затем под воздействием общественно-политических факторов в тайные политические общества, нацеленные на крестьянскую революцию, проходила организация ее приверженцев в период общенационального кризиса в России к середине XIX в. Таким тайным политическим обществом с ярко выраженными просветительскими установками была «Земля и Воля» 1860-х годов. Реформа 1861 г. лишь активизировала радикально настроенную разночинную в своей массе интеллигенцию. Бланкистская суть новой организации — «Молодой России» — выражалась в принципиальных положениях ее доктрины: 1) неминуемость революции в России в неотдаленном будущем связывалась в первую очередь с инициативой революционной партии; 2) революционной партии отводилась определяющая роль в последующий после революции период: она сохраняет в стране политическую централизацию. Партия должна захватить власть, установить диктатуру. В отличие от бланкистской модели революции, в «Молодой России» нет явно выраженной идеи революции-заговора. Хотя революция осуществляется при инициативной роли революционного меньшинства, она рассматривается как всенародное дело (Зайчневский).

Классические теоретические конструкции «русского бланкизма» — это воззрения Ткачева. С позиций нынешнего дня радикализм Ткачева видится вызовом реальным историческим предпосылкам, фактическим общественно-политическим условиям. В неприятии опыта европейских демократических революций Ткачев исходил из связи принципа свободного труда — главного принципа индустриального развития — с идеей индивидуализма, противостоящей принципу рабского труда, неразрывно связанного с установками авторитаризма. Человеческая свобода, формирующаяся в рамках капиталистического производства, ведет к разрушению всякой государственной власти, к уничтожению господства закона, т. е. к анархии. Следуя логике формулы прогресса, Ткачев связывает прогресс с эволюцией гражданского общества. Эта эволю-

ция приближает общество к достижению высшей цели — осуществлению блага. Вывод, который делает Ткачев: человек может менять законы гражданского общества по своему усмотрению. В отличие от законов природы, они не имеют характера необходимости.

Ткачев представлял интересы тех, кто «не хотел ждать». Он разделил революционный экстремизм прокламации «К молодому поколению», ее наивно-примитивный радикализм. Ткачев скорректировал культ разума установкой на крестьянскую революцию как на задачу дня, а не как на дальнюю перспективу. Он гиперболизировал роль сознательного меньшинства и умалил значение демократии. Ткачев не уставал повторять: «Ни в настоящем, ни в будущем народ, сам себе предоставленный, не в силах осуществить социальную революцию... только мы, революционное меньшинство, можем это сделать, — и мы должны это сделать как можно скорее!» (Ткачев, 2010д, с. 534). Он настаивает на том, что политическая власть играет в этом ключевую роль: «Чем могущественнее будет эта власть, тем скорее и легче образованному меньшинству удастся провести в жизнь те идеалы, во имя которых оно борется» (Ткачев, 2010ж, с. 522). Следовательно, главная на начальном этапе цель — сосредоточить всю полноту политической власти в руках революционеров. Очень похожую мысль мы можем найти у Ленина: не может быть и речи о том, чтобы народ своими силами вырвался из той «страшной темноты, из невиданной забитости, из невероятной одичалости и беспросветной тупости», в которой он пребывает (Ленин, 1971ж, с. 19). Ленин уверен: революционная партия должна захватить политическую власть и создать революционное правительство, необходимое для «политического руководства народными массами» и для начала немедленных политических преобразований (Ленин, 1971д, с. 338).

Капиталистическую эволюцию русской поземельной общины Ткачев рассматривал как довод к безотлагательной революции, которая сохранит и разовьет заложенные в общине социалистические возможности. Это положение народничества Ткачев развил, обосновывая положительное значение отсталости русского социально-экономического строя для свершения победоносной революции. Однако крестьянский социализм у Ткачева существенно изменился: из общесоциологической модели некапиталистического пути развития он развернут в концепцию непосредственного революционного действия, в систему принципов политической стратегии и тактики. Отход от основополагающего для идеологии народничества принципа «освобождение народа — дело самого народа» повлек за собой пересмотр вопроса о перспективах «русского», общинного социализма. Политический смысл революции, к которой призывал Ткачев, был ограничен идеей заговора, захвата политической власти в духе бланкизма. Бланкистская революционная тактика определялась его представлением о пределе социалистических инстинктов крестьянства и его революционности. Это очевидно, исходя из понимания Ткачевым роли, которая отводилась народу в момент свершения революции, политической по содержанию и заговорщической по форме. В его концепции связаны воедино революция, осуществленная заговорщической организацией и соединенная со стихийным бунтом народа, диктатура революционеров-заговорщиков после переворота

и абсолютизация государственной власти при сведенной до минимума роли народа в деле социального реформирования. Социальная революция начинается только после захвата власти. Она происходит помимо народа. Выдающаяся, первенствующая роль принадлежит революционному меньшинству.

В завершение короткого очерка «духовно-политической» связи ткачевизма и большевизма подведем некоторые итоги. Русский бланкизм можно характеризовать как своеобразную доктрину политического действия. По своему смысловому содержанию это реакция на кризис просветительской философии и ее политического воплощения — идеологии европейской буржуазной революции. В этом отношении и Ткачев, и Ленин — русские бланкисты, они принадлежат к политикам, нацеленным прежде всего на захват политической власти, а не на социальную революцию. Политическую доктрину Ткачева определяли три идеи: о революции как вооруженном восстании, осуществляемом заговорщической организацией; о захвате политической власти; о невозможности немедленного осуществления идеала справедливости и равенства после победы революции и необходимости переходного периода к новому обществу — периода революционной диктатуры, призванной разрушать старые порядки, «конфисковывать», «обобществлять», «контролировать» и т. п. Эти же идеи легли в основу политической доктрины большевизма, реализованной в октябре 1917 г.

Литература

Бонч-Бруевич В. Д. Библиотека и архив РСДРП в Женеве // Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 2. С. 307–322.

Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество / пер. с англ. М. Н. Карпец. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.

В. И. Ленин: pro et contra, антология / сост., вступит. ст. В. А. Гуторова. СПб.: Издательство РХГА, 2017. 860 с.

Валентинов Н. В. Встречи с Лениным. М.: Терра, 1993. 560 с.

Горев Б. И. Российские корни ленинизма // Под знаменем марксизма. 1924. № 2. С. 83–92.

Заичневский П. Г. Молодая Россия. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/molrus.htm> (дата обращения: 01.12.2017).

Козьмин Б. П. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М.: Новый мир, 1922. 121 с.

Ленин В. И. Насущные задачи нашего движения // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1967. Т. 4. С. 371–377.

Ленин В. И. С чего начать? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1971а. Т. 5. С. 1–13.

Ленин В. И. Что делать? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1971б. Т. 6. С. 1–192.

Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад (кризис в нашей партии) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1971в. Т. 8. С. 185–414.

Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1971г. Т. 34. С. 151–199.

Ленин В. И. Революционная армия и революционное правительство // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1971д. Т. 10. С. 335–344.

Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1971е. Т. 33. С. 1–120.

Ленин В. И. Социал-демократия и временное революционное правительство // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1971ж. Т. 10. С. 1–19.

Матвеева Ю. А., Талеров П. И., Ширинянц А. А. Михаил Александрович Бакунин // Бакунин М. А. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 5–49.

Матвеева Ю. А., Ширинянц А. А. Программа интернационального братства М. А. Бакунина // Вестник Московского университета. Сер. 12. «Политические науки». 2006. № 5. С. 43–45.

Мицкевич С. И. Русские якобинцы // Пролетарская революция. Отдел I. Статьи и воспоминания. 1923. № 6–7. С. 3–26.

Милуков П. Н. Г. Плеханов и г-жа Кукшина: «буржуазно-демократическая» реформа или «бланкистская» революция // Милуков П. Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906 гг. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1907. С. 466–471.

Перевезенцев С. В., Ширинянц А. А. В поисках русского пути // Хранители России. Антология. Т. 4. В поисках русского пути. 1800–1850 гг. М.: ООО «Паблис», 2016. 1136 с.

Плеханов Г. В. Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция // Плеханов Г. В. Сочинения. 2-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926а. Т. 13. С. 116–141.

Плеханов Г. В. Враждующие между собой братья // Плеханов Г. В. Сочинения. 2-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926б. Т. 13. С. 305–320.

Плеханов Г. В. Письма о тактике и бестактности // Плеханов Г. В. Сочинения. 2-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926в. Т. 15. С. 89–157.

Покровский М. Н. Корни большевизма в русской почве // Российская коммунистическая партия — вождь пролетариата. Сборник статей, посвященных 25-летию РКП(б) / под ред. В. А. Быстрянского. Пг.: Прибой, 1923. С. 81–85.

Потресов А. Н. Эволюция общественно-политической мысли в революционную эпоху // Общественное движение в России в начале XX века. СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1909. Т. 1. С. 538–642.

Рудницкая Е. Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М.: Наука, 1992. 267 с.

Ткачев П. Н. Что же теперь делать? // Ткачев П. Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010а. С. 672–680.

Ткачев П. Н. Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России // Ткачев П. Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010б. С. 729–737.

Ткачев П. Н. Анархия мысли // Ткачев П. Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010в. С. 467–504.

Ткачев П. Н. Задачи революционной пропаганды в России (Письмо в редакцию журнала «Вперед!») // Ткачев П. Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010г. С. 406–441.

Ткачев П. Н. Народ и революция // Ткачев П. Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010д. С. 527–535.

Ткачев П. Н. Новый фазис революционного движения // Ткачев П. Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010е. С. 663–672.

Ткачев П. Н. Революция и государство // Ткачев П. Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010ж. С. 515–527.

Троцкий Л. Д. В защиту партии. СПб.: электропечатня товарищества «Дело», 1907. 148 с.

Фокина Ю. В. К вопросу о «большевизме» Ткачева // Мат-лы Междунар. науч. конф. «Политика в текстах — тексты в политике: наука истории идей и учений» (к 40-летию кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова). М.: РОССПЭН, 2011. С. 298–302.

Худолеев А. Н. Революционная теория П. Н. Ткачева в контексте дискуссии о русском якобинстве в советской историографии 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 344. С. 99–102.

Худолеев А. Н. Отечественная историография революционной теории П. Н. Ткачева (1920–1980-е годы). Томск: Изд-во ТГУ, 2012. 348 с.

Шахматов Б. М. Л. О. Бланки и революционная Россия (отзывы, влияния, связи) // Французский ежегодник. 1981. М.: Наука, 1983. С. 56–59.

Ширинянц А. А. Концепция формирования «нового человека»: взгляд из прошлого (Идеологи русского народничества о личности революционера). М.: Золотой век, 1995. 167 с.

Ширинянц А. А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Изд-во Московского университета, 2011. 563 с.

Ширинянец А. А. А. Н. Радищев и политическая культура интеллигенции России XIX — начала XX вв. // Историческое образование. 2014. № 1. С. 90–108.

Ширинянец Александр Андреевич — д-р полит. наук, проф.; jants@yandex.ru

Рудакова Юлия Владимировна — аспирант; juli-d1@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 17 марта 2018 г.;

рекомендована в печать: 17 мая 2018 г.

Для цитирования: Ширинянец А. А., Рудакова Ю. В. Теория революции П. Н. Ткачева и большевизм // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14. № 1. С. 4–17. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.101>

THEORY OF REVOLUTION OF P. N. TKACHEV AND BOLSHEVISM

Alexander A. Shirinyants

Moscow State University named after M. V. Lomonosov,
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia; jants@yandex.ru

Yuliya V. Rudakova

Moscow State University named after M. V. Lomonosov,
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia; juli-d1@yandex.ru

The article is devoted to an analysis of the revolutionary theory of P. N. Tkachev and Bolshevism. Tkachev was one of the most prominent ideologists of effective populism, and its socio-political concept, later called “Russian Blanquism”, caused a lot of conflicting opinions. Many revolutionary figures and historians of the early XX century is not without reason believed that the concept of Tkachev had had a significant influence on the course of revolutionary thought, namely, was the ideological forerunner of Bolshevism. This statement has become the subject of extensive discussions, which continued in Soviet science for several decades. Despite many disputes, it is difficult to deny some of the key provisions that have in common “the Russian Blanquism” and Bolshevism. So, Tkachev was the first thinker who paid attention to the state and political power as the key tools that can be used by revolutionaries for social change. The revolutionaries, according to Tkachev, is a completely new type of people who devote their entire lives to the revolution. These “people of the future” are the main driving force of the revolutionary movement. To seize power, they create an organised party, which is based on the principles of strict centralism and strict discipline. These ideas, as we know, were the main principles of the socio-political vision of Lenin and was brought to life by the leaders of the Bolshevik party.

Keywords: revolutionary theory, effective populism, *the Russian Blanquism*, Bolshevism, Soviet science, intelligentsia, revolutionary party.

References

Bonch-Bruevich V. D. Biblioteka i arkhiv RSDRP v Zheneve [Library and archives of the RSDLP in Geneva]. *Bonch-Bruevich V. D. Izbrannye sochineniia*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publishing house, 1961, vol. 2, pp. 307–322. (In Russian)

Bradley J. *Obshchestvennye organizatsii v tsarskoi Rossii: nauka, patriotizm i grazhdanskoe obshchestvo* [Voluntary associations in tsarist Russia]. London, Harvard university press, 2009, 366 p. (In Russian)

Fokina Yu. V. K voprosu o «bol'shevizme» Tkacheva [To the issue of Tkachev's “Bolshevism”]. *Mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. «Politika v tekstakh — teksty v politike: nauka istorii idei i uchenii» (k 40-letiiu kafedry istorii sotsial'no-politicheskikh uchenii fakul'teta politologii MGU im. M. V. Lomonosova* [Materials of International scientific conference “Politics in texts — texts in politics: the

science of the history of ideas and doctrines" (the 40th anniversary of the Department of history of socio-political doctrines, faculty of political science of MSU named after M. V. Lomonosov)]. Moscow, ROSSPEN, 2011, pp. 298–302. (In Russian)

Gorev B. I. Rossiiskie korni leninizma [The Russian roots of Leninism]. *Pod znamenem marksizma [Under the banner of Marxism]*, 1924, no. 2, pp. 83–92. (In Russian)

Khudoleev A. N. *Otechestvennaia istoriografiia revoliutsionnoi teorii P. N. Tkacheva (1920–1980-e gody [Russian historiography of the revolutionary theory of P. N. Tkachev (1920–1980's years)]*. Tomsk, TSU Publishing house, 2012, 348 p. (In Russian)

Khudoleev A. N. Revoliutsionnaia teoriia P. N. Tkacheva v kontekste diskussii o rusском iakobinstve v sovetskoi istoriografii 1920-kh gg. [The revolutionary theory of P. N. Tkachev in the context of discussions about the Russian jacobinism in Soviet historiography of the 1920s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]*, 2011, no. 344, pp. 99–102. (In Russian)

Kozmin B. P. P. N. Tkachev i revoliutsionnoe dvizhenie 1860-kh godov [P. N. Tkachev and the revolutionary movement of 1860s]. Moscow, New world, 1922, 121 p. (In Russian)

Lenin V. I. Chto delat'?' [What to do?]. *Lenin V. I. Poln. sobr. soch. 5-e izd. [Lenin V. I. Complete set of works]*. Ed. 5th. Moscow, Publ. house of political literature, 1971b, vol. 6, pp. 1–192. (In Russian)

Lenin V. I. Gosudarstvo i revoliutsiia [The state and revolution]. *Lenin V. I. Poln. sobr. soch. 5-e izd. [Lenin V. I. Complete set of works]*. Ed. 5th. Moscow, Publ. house of political literature, 1971e, vol. 33, pp. 1–120. (In Russian)

Lenin V. I. Groziashchaia katastrofa i kak s nei borot'sia [Impending catastrophe and how to fight it]. *Lenin V. I. Poln. sobr. soch. 5-e izd. [Lenin V. I. Complete set of works]*. Ed. 5th. Moscow, Publ. house of political literature, 1971g, vol. 34, pp. 151–199. (In Russian)

Lenin V. I. Nasushchnye zadachi nashego dvizheniia [The urgent tasks of our movement]. *Lenin V. I. Poln. sobr. soch. 5-e izd. [Lenin V. I. Complete set of works]*. Ed. 5th. Moscow, Publ. house of political literature, 1967, vol. 4, pp. 371–377 (in Russian).

Lenin V. I. Revoliutsionnaia armia i revoliutsionnoe pravitel'stvo [Revolutionary army and revolutionary government]. *Lenin V. I. Poln. sobr. soch. 5-e izd. [Lenin V. I. Complete set of works]*. Ed. 5th. Moscow, Publ. house of political literature, 1971d, vol. 10, pp. 335–344. (In Russian)

Lenin V. I. S chego nachat'?' [Where to start?]. *Lenin V. I. Poln. sobr. soch. 5-e izd. [Lenin V. I. Complete set of works]*. Ed. 5th. Moscow, Publ. house of political literature, 1971a, vol. 5, pp. 1–13. (In Russian)

Lenin V. I. Shag vpered, dva shaga nazad (krizis v nashei partii) [One step forward, two steps back (the crisis in our party)]. *Lenin V. I. Poln. sobr. soch. 5-e izd. [Lenin V. I. Complete set of works]*. Ed. 5th. Moscow, Publ. house of political literature, 1971v, vol. 8, pp. 185–414. (In Russian)

Lenin V. I. Sotsial-demokratiia i vremennoe revoliutsionnoe pravitel'stvo [Social democracy and the temporary revolutionary government]. *Lenin V. I. Poln. sobr. soch. 5-e izd. [Lenin V. I. Complete set of works]*. Ed. 5th. Moscow, Publ. house of political literature, 1971zh, vol. 10, pp. 1–19. (In Russian)

Matveev Yu. A., Shirinyants A. A. Programma internatsional'nogo bratstva M. A. Bakunina [Program of the international brotherhood of Bakunin M. A.]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. «Politicheskie nauki» [Bulletin of Moscow University. Episode 12. "Political science"]*, 2006, no. 5, pp. 43–45. (In Russian)

Matveeva Yu. A., Thalerov P. I., Shirinyants A. A. Mikhail Aleksandrovich Bakunin [Mikhail Bakunin]. *Bakunin M. A. Izbrannye trudy [Bakunin M. A. Selected works]*. Moscow, ROSSPEN, 2010, pp. 5–49. (In Russian)

Milyukov P. N. G. Plekhanov i g-zha Kukshina: «burzhuzno-demokraticheskaia» reforma ili «blankistskaia» revoliutsiia [Plekhanov and Ms. Kukshina: "bourgeois-democratic" reform or a "blankist" revolution]. *Milyukov P. N. God bor'by. Publitsisticheskaia khronika. 1905–1906 gg. [Milyukov P. N. A year of struggle. Journalistic chronicle. 1905–1906]*. St. Petersburg, Printing house "Public benefit", 1907, pp. 466–471. (In Russian)

Mitskevich S. I. Russkie iakobinty [Russian Jacobins]. *Proletarskaia revoliutsiia. Otdel I. Stat'i i vospominaniia [The proletarian revolution. Division I. Articles and memories]*. 1923, no. 6–7, pp. 3–26. (In Russian)

Perevezentsev S. V., Shirinyants A. A. V poiskakh russkogo puti [In search of the Russian way]. *Khraniteli Rossii. Antologiya. T. 4. V poiskakh russkogo puti. 1800–1850 gg.* [The Keepers of Russia. Anthology. Vol. 4. In search of Russian way. 1800–1850]. Moscow, Pablis, 2016, 1136 p. (In Russian)

Plekhanov G. V. Pis'ma o taktike i bestaktnosti [Letters about tactics and tactlessness]. *Plekhanov G. V. Sochineniia. 2-e izd.* [Plekhanov G. V. Works]. Ed. 2nd. Moscow; Leningrad, State publishing house, 1926v, vol. 15, pp. 89–157. (In Russian)

Plekhanov G. V. Rabochii klass i sotsial-demokraticheskaia intelligentsiia [The working class and the social-democratic intelligentsia]. *Plekhanov G. V. Sochineniia. 2-e izd.* [Plekhanov G. V. Works]. Ed. 2nd. Moscow; Leningrad, State publishing house, 1926a, vol. 13, pp. 116–141. (In Russian)

Plekhanov G. V. Vrazhduiushchie mezhdu soboi brat'ia [Warring brothers]. *Plekhanov G. V. Sochineniia. 2-e izd.* [Plekhanov G. V. Works]. Ed. 2nd. Moscow, Leningrad, State publishing house, 1926b, vol. 13, pp. 305–320. (In Russian)

Pokrovsky M. N. Kornii bol'shevizma v russkoi pochve [The Roots of Bolshevism in the Russian soil]. *Rossiiskaia kommunisticheskaia partiia — vozhd' proletariata. Sbornik statei, posviashchennykh 25-letiiu RKP(b)* [Russian Communist party — the leader of the proletariat. A collection of articles dedicated to the 25th anniversary of the RCP(b)]. Ed. by V. A. Bystriansky. Petrograd, Surf, 1923, pp. 81–85. (In Russian)

Potresov A. N. Evoliutsiia obshchestvenno-politicheskoi mysli v revoliutsionnoi epokhu [The evolution of social and political thought in the revolutionary era]. *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX veka* [Public movement in Russia in the early 20th century]. St. Petersburg, typography "Public benefit", 1909, vol. 1, pp. 538–642. (In Russian)

Rudnitskaya E. L. *Russkii blankizm: Petr Tkachev* [The Russian Blanquism: Peter Tkachev]. Moscow, Science, 1992, 267 p. (In Russian)

Shakhmatov B. M. L. O. Blanki i revoliutsionnaia Rossiia (otzyvy, vlianiia, svyazi) [L. O. Blanki and revolutionary Russia (feedback, impact, relationships)]. *Frantsuzskii ezhegodnik* [French Yearbook. 1981]. Moscow, Science, 1983, pp. 56–59. (In Russian)

Shirinyanc A. A. A. N. Radishchev i politicheskaiia kul'tura intelligentsii Rossii XIX — nachala XX v. [A. N. Radishchev and the political culture of the intelligentsia of Russia in the 19th — early 20th centuries]. *Istoricheskoe obrazovanie* [History education], 2014, no. 1. pp. 90–108. (In Russian)

Shirinyanc A. A. *Kontseptsii formirovaniia «novogo cheloveka»: vzgliad iz proshlogo* (Ideologi russkogo narodnichestva o lichnosti revoliutsionera) [The concept of formation of a "new man": a view from the past (the Ideologists of Russian populism on the identity of the revolutionary)]. Moscow, Golden age, 1995, 167 p. (In Russian)

Shirinyanc A. A. *Nigilizm ili konservatizm? (Russkaia intelligentsiia v istorii politiki i mysli)* [Nihilism or conservatism? (The Russian intelligentsia in the history of politics and thought)]. Moscow, Publ. house of Moscow University, 2011. 563 p. (In Russian)

Tkachev P. N. Anarkhiia mysli [Anarchy of thought]. *Tkachev P. N. Izbrannoe* [Tkachev P. N. Selected works]. Moscow, ROSSPEN, 2010v, pp. 467–504. (In Russian)

Tkachev P. N. Chto zhe teper' delat'? [What to do now?] *Tkachev P. N. Izbrannoe* [Tkachev P. N. Selected works]. Moscow, ROSSPEN, 2010a, pp. 672–680. (In Russian)

Tkachev P. N. Narod i revoliutsiia [The people and the revolution]. *Tkachev P. N. Izbrannoe* [Tkachev P. N. Selected works]. Moscow, ROSSPEN, 2010d, pp. 527–535. (In Russian)

Tkachev P. N. Novyi fazis revoliutsionnogo dvizheniia [New phase of the revolutionary movement]. *Tkachev P. N. Izbrannoe* [Tkachev P. N. Selected works]. Moscow, ROSSPEN, 2010e, pp. 663–672. (In Russian)

Tkachev P. N. Revoliutsiia i gosudarstvo [The revolution and the state]. *Tkachev P. N. Izbrannoe* [Tkachev P. N. Selected works]. Moscow, ROSSPEN, 2010zh, pp. 515–527. (In Russian)

Tkachev P. N. Terrorizm kak edinstvennoe sredstvo nraivstvennogo i obshchestvennogo vozrozhdeniia Rossii [Terrorism as the only means of moral and social revival of Russia]. *Tkachev P. N. Izbrannoe* [Tkachev P. N. Selected works]. Moscow, ROSSPEN, 2010b, pp. 729–737. (In Russian)

Tkachev P. N. Zadachi revoliutsionnoi propagandy v Rossii (Pis'mo v redaktsiiu zhurnala «Vpered!») [The tasks of revolutionary propaganda in Russia (letter to the editor of magazine "For-

ward!"). Tkachev P. N. *Izbrannoe* [Tkachev P. N. *Selected works*]. Moscow, ROSSPEN, 2010g, pp. 406–441. (In Russian)

Trotsky L. D. *V zashchitu partii* [*In defense of the party*]. St. Petersburg, the typography of the partnership "Business", 1907, 148 p. (In Russian)

V. I. Lenin: pro et contra, antologiya [*V. I. Lenin: pro et contra, anthology*]. Compiler, introductory article by V. A. Gutorov. St. Petersburg, RCGA Publishing house, 2017, 860 p. (In Russian)

Valentinov N. V. *Vstrechi s Leninyim* [*The meetings with Lenin*]. Moscow, Terra, 1993, 560 p. (In Russian)

Zaitsevskii P. G. *Molodaia Rossiia* [*The Young Russia*]. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/molrus.htm> (accessed: 01.12.2017). (In Russian)

For citation: Shirinyants A. A., Rudakova Yu. V. Theory of revolution of P. N. Tkachev and Bolshevism. *POLITEX: Political Expertise*. 2018, vol. 14, no. 1, pp. 4–17. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.101> (In Russian)